

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Он всегда казался нерешительным. Мягким, безвольным человеком, для которого любое принятие решений виделось чем-то сродни душевной муке или потере почвы под ногами. Я была отголоском его прошлой жизни, острым росчерком пера, однажды испортившим цельную картину натюрморта, и долгое время он предпочитал не вспоминать обо мне.

Первенец. Единственный ребенок. Дочь, рожденная в браке, который оборвался ночной аварией в то время, когда он еще мог любить. Так говорила бабушка, так полагала я, а как было на самом деле — не думаю, что когда-нибудь узнаю. Он бежал от меня как чумной, вспоминая о дочери лишь в короткие визиты к матери, и я всегда знала, что нелюбима и нежеланна. Пустой формуляр человеческих отношений, который время от времени требуется заполнять вниманием. Коротким, как галочка или клик «ок!». Клик «ок!» в ответ на осторожное «папа?», и больше ничего.

С тех пор у моего отца было много женщин, уютных домов и теплых компаний — где-то далеко от меня в больших городах — но вот семья появилась значительно позже.

Впрочем, когда я узнала о ее существовании, отец как раз успел отметить трехлетний юбилей своих отношений.

— Познакомься, Настя. Это — Галина Юрьевна Фролова. Мой официальный директор, а в личной жизни — жена. Она о тебе наслышана.

— Здравствуй, Настя.

— Здравствуйте.

— А это сын Галины Юрьевны — Стас, твой сводный брат. Вы с ним почти ровесники, Стас лишь немногим старше, так что мы с Галей очень надеемся, что вы подружитесь.

В ответ холодное молчание, и мое робкое:

— Здравствуйте...

В ту осень дожди лили непрерывно. В нашем северном городке не было никакой возможности избавиться от холодной сырости. Она проникала сквозь стены и окна, забиралась под кожу и гуляла в крови хандрой пасмурного дня. Сначала заболела я, а после, когда погода расшалилась не на шутку, встречая прохожих ледяным ветром и снежным крошевом, с воспалением легких слегла и бабушка. В городе отца мы оказались вдвоем: она в больнице, а я — в новом красивом доме его семьи. Большом, просторном, неприветливом, так непохожем на нашу старенькую маленькую квартиру в городке. То, что этому дому никогда не стать моим, я почувствовала, едва переступив порог.

Они стояли в холле — мать и сын, когда отец, выпустив меня из машины, распахнул дверь и ввел свою дочь в дом. Виновато передернув плечами, стянул с шеи шарф, опуская сумку у моих ног.

— Ну вот, Галя, мы и приехали. Моя Настя.

Моя Настя. Это был первый раз, когда я провела почти два дня рядом с отцом, пусть не в любви, но в относительной заботе с его стороны, и сейчас чувствовала, как под взглядом незнакомой женщины отец вновь отдаляется,

улыбаясь ей куда охотнее, чем мне. Своей пятнадцатилетней нелюбимой дочери.

Мы с бабушкой всегда гадали: похожа ли новая жена ее сына на мою мать? На меня? Мне казалось, что да. Почему-то в это хотелось верить, глядя на родительские фотографии, где мать с отцом были еще молоды и счастливы. Но нет, действительность легко разрушила наши ожидания. Галина Юрьевна оказалась высокой, крупной и даже полноватой женщиной, с взбитой копной блондинистых волос. С волевым подбородком и взглядом валькирии. Когда этот взгляд остановился на мне — серый, немигающий, внимательно рассматривающий мое поношенное пальто, собственноручно связанную из старой бабушкиной кофты шапку и стоптанные в морозной слякоти нашего городка сапожки, мне захотелось съежиться под ним в комок и расплакаться от чувства одиночества и чуждости этому дому и этим людям.

Но вместо этого я раскашлялась, едва не потеряв сознание от неловкости и испуга за свою простуду, так не вовремя напомнившую о себе.

— Стас, принеси Насте воды. И помоги уже своей сестре раздеться, хватит стоять столбом!

Я помню ту фразу, сказанную хозяйкой дома, очень отчетливо, потому что это был первый раз, когда я отважилась поднять глаза на своего сводного брата. Не от смелости, а от страха, что он действительно решится помочь мне. Этот взрослый темноволосый парень, чей ледяной взгляд больше всего резанул с порога. И который, я это чувствовала, видел меня насквозь.

Он стоял босиком у ступеней лестницы, сунув руки в карманы домашних брюк, и смотрел на меня холодными неприветливыми глазами.

— Сестре? — темные брови взлетели вверх в искреннем удивлении. — Мать, ты шутишь? Не вздумай подобное ска-

зять при моих друзьях. Батя, ты где ее откопал? Что, в приюте для беженцев прятал? У нее же взгляд побитого щенка!

Батя. Он называл моего отца Батей, тогда как я боялась лишний раз к нему обратиться. Да, мой отец был тихим человеком и потому промолчал, недовольно поджав рот. Затрещина — крепкая, увесистая и звонкая — прилетела сводному брату от его матери. А я все-таки расплакалась, потому что в этот момент поняла, как далеко отсюда мой дом. А еще — что мне абсолютно некуда идти.

Он все-таки помог мне раздеться, брезгливо стянув пальто с худых плеч под напряженными взглядами родителей, негромко переговаривающихся в стороне. Думаю, в этот момент мой отец чувствовал себя так же неуютно, как и я, но слова утешения предпочел сказать жене.

— Сапоги сама снимай, я тебе не нанимался прислуживать. И вот это старье, что напялила — тоже. Моя мать не экономит на отоплении, а у нас сегодня гости. Не знаю, почему Батя не побеспокоился.

На мне был бабушкин кардиган — практичный, теплый и совершенно немодный. В нем я выглядела особенно тощей, если учесть, что всегда была невысокой и щуплой. Но сейчас я бы ни за что не согласилась с ним расстаться, а потому только туже запахнула на груди толстый воротник, сняла сапоги и вновь уткнулась взглядом в обтянутую футболкой спортивную грудь сводного брата, не в силах больше решиться ни на одно действие.

— И хватит уже реветь, скелетина. Все равно здесь тебя жалеть некому, — зло бросил на ухо, потянувшись рукой к моей голове, сдернул шапку... и заткнулся, когда по плечам рассыпалась непослушная густая копна темно-русых волос, а я подняла на него глаза.

— Стас, покажи Насте, где у нас ванная комната, а после присоединяйтесь к нам с отцом на кухне — ужин стынет!

— Спасибо.

— Пошли уже...

Гостей оказалось четверо — семейная пара и двое детей-подростков, парень и светленькая девчонка приблизительно моих лет. Да, вечер испытаний все еще продолжался, и Галина Юрьевна, увидев меня на пороге кухни за спиной своего сына, постаралась объяснить гостям появление чужого ребенка немного нервно и властно, словно ей кто-нибудь собрался перечить:

— Настя. Дочь моего Гриши от первого брака. Вот, поживет у нас, пока свекровь не поправится. У нас места много, а в нынешние времена ребенка одного в городе оставлять опасно, мало ли что может случиться. По Стаське своему знаю: начудит будь здоров или еще вяжется куда. В этом возрасте за детьми глаз да глаз нужен, и контроль!

— И что, Галя, ее мама даже не против? — спросила незнакомая женщина, и все за столом сразу затихли.

— Нет у нее мамы, Вера. Только вот Гриша и бабушка.

Сегодня я понимаю, что подобный вопрос прозвучал бестактно. Что, держись отец увереннее возле жены, никто бы не осмелился его задать, а тогда... А тогда он ответил, словно дочери не было рядом, бросив на супругу короткий взгляд.

— Да, Настя живет с моей матерью, ей так удобнее. Родной дом, школа, друзья, ну, вы понимаете... Пусть так и будет.

— Хорошо хоть не сирота, отец есть.

Да, есть. Это, видимо, понимали все, в отличие от меня. Но меня никто не спрашивал, и разговор за столом продолжился. Этот день был слишком трудным, очень долгим и тревожным за судьбу бабушки, я просто не привыкла к подобному вниманию. Открытое и с виду дружелюбное, оно было равносильно пытке, и все время ужина я жалась

к углу стола, царапая вилкой пустой краешек тарелки, и куталась в кардиган. Стараясь не смотреть в сторону незнакомых подростков и сводного брата, который не спускал с меня неприязненных серых глаз.

Все закончилось часа через два, когда Галина Юрьевна, проводив гостей, одоббив суету мужа по уборке стола, сказала:

— Как видишь, Настя, дом у нас новый, только два месяца, как отстроили и переехали, не везде успели все устроить и сделать ремонт, так что поспишь-ка ты пока в комнате Стаса. Спальня теплая, с компьютером и ванной комнатой, думаю, там тебе будет удобнее всего.

Я даже не успела удивиться, как сводный брат вскочил из-за стола, едва не опрокинув стул.

— Что-о?! Нет, мам! Ты ведь не серьезно?! Это же бред!

Голос Галины Юрьевны прозвучал неожиданно строго, так, что даже я не усомнилась в ее решении.

— Еще как серьезно.

— Но, блин! Мам, это же моя комната! И мой комп, и ванная, и вообще ... Там все мое!

— Поговори у меня еще, собственник! Постыдился бы перед сестрой!

— Да какая она мне сестра...

Еще одна затрещина удалась мачехе на славу, потому что сводный брат сразу же замолчал.

— Да уж, какая есть! Ничего! Поспишь в гостиной на диване! Ты у меня парень не хлипкий, не развалишься.

— Все равно комната — моя!

Они стояли друг против друга — мать и сын, а я даже не могла спрятаться за спину отца.

— Видно, недовоспитала я тебя, Стаська. Ты мне здесь истерики закатывать брось! Я этого не терплю! Так бы и взгрела охламона, только перед Настей за тебя стыдно. В этом доме из твоего — шкура, натянутая на задницу. Ты

меня знаешь — не посмотрю, что вырос, так ремнем перетяну, что мало не покажется!

— Ну, спасибо, мама.

— Пожалуйста! И хорошо бы тебе почаще вспоминать о сыновней благодарности. Особенно когда просишь денег на новый телефон и новые шмотки.

— Гриша!

Надо же, отец все-таки оказался рядом.

— Да, Галя?

— Ты-то хоть чего пнем встал, Матвеев? Отнеси уже ребенку сумки наверх! Сколько можно дочь мучить!

Комната сводного брата оказалась на втором этаже. Я молча поднялась по лестнице следом за отцом и остановилась у порога чужой спальни, не решаясь войти. Впрочем, отец тоже замялся, не спеша отворять дверь.

— Как-то погорячилась Галя насчет спальни, — сказал неуверенно, шумно вздохнув, и посмотрел на меня с грустью во взгляде. — Ну да ладно, входи, Настя. Сказано, здесь, значит, будешь обживаться здесь. С Галиной Юрьевой в этом смысле не поспоришь...

Он вошел, поставил сумку у двери, неловко осмотрелся по сторонам... Найдя нужным, включил верхний свет... и ушел, буркнув на прощание негромкое и смущенное: «Отдыхай».

Комната действительно оказалась теплой, как и говорила мачеха. Это практически кожей ощущалось после дня в переездах. Небольшой, уютной и какой-то новомодной для меня, пусть и не прибранной, в мальчишеском беспорядке. В старых сапожках ноги промокли, и сейчас, глядя на новый светлый ковер на полу, я вдруг огорчилась, что непременно его испачкаю, если войду. А еще подумала, что не смогу просушить сапожки, а значит, завтра в больницу к бабушке придется идти в мокрой обуви. Я все еще стояла на пороге чужой комнаты, не

в силах до конца осознать все со мной произошедшее и набраться смелости войти в спальню сводного брата, когда моего локтя коснулась чья-то рука...

Это прикосновение, неожиданно горячее, отозвалось испугом в каждой клеточке моего напряженного в тревоге и страхе тела. Прозвенело паникой в сердце, и навстречу мачехе, ее внимательному серому взгляду, я повернулась, вздрогнув в плечах, поймав ладонью крик на своих губах.

— Извините...

Она промолчала, но в комнату ввела твердо, обхватив пальцами тонкое запястье. Усадила на кровать, постояв надо мной, и села напротив, отвернув вращающийся стул от компьютерного стола сына.

— Настя, послушай...

— Да? — от переживания и усталости меня начал бить озноб, но я все равно не могла оторвать руки от колен, чтобы обнять себя и хоть немного согреться. Борясь со стыдом и смущением, подняла на женщину глаза.

— Это ты меня извини, девочка. Не так следует встречать падчерицу, но такая уж у нас семья. Да и не умею я вот так, чтобы очень душевно... Все как-то с набега, с наскока получается, не как у людей.

Она замолчала, вновь рассматривая меня, затем громко вздохнула:

— Не понимаю, почему Гриша никогда не говорил о тебе? Не познакомил раньше? Неужели я сама упустила из виду?.. Иногда мне кажется, что я не знаю собственного мужа.

В пятнадцать лет услышать подобную правду от чужого человека так же больно, как в двадцать, поэтому я неловко пожалала плечами и опустила взгляд, спрятав под ресницами непрошеные колючие слезы.

— Ладно, разберемся, Настя, ты не переживай. Главное, что теперь знаю. И на Стаську моего внимания не обращай.

Разбаловала я его, сама размажорила. Один он у меня рос, без отца и бабушек. У меня работа, мне голову поднять некогда. Всегда все для него было: няньки, сады-репетиторы частные, школы спортивные. Одним ремнем и восстанавливала баланс воспитания. Зато когда оттяну паразита по заднице, как шелковый ходит! По струночке! А здесь, смотрю, подзабыл, как надлежит с матерью разговаривать. Зато учится, слава богу, нормально, не то что я в свое время. На будущий год вот планируем в технический вуз поступать. Будем окончательно делать из Стаськи человека. Это я, девочка: ПТУ, рынок, жареные пирожки. Потом первый ларек, второй, третий... Точка общепита, первое кафе. Честно скажу: нелегко пришлось. Девяностые, разгул преступности, а я одна без мужа, еще и за ребенка в ответе. Даже не верится, через что пришлось пройти. Приходилось и в рукопашную за свое добро вступаться, и с братками стрелку держать. Зато сейчас собственный хлебозавод, первый на область, имеется. Известная сеть пекарен. Новый завод вот в соседней области строю. Ну и еще кое-что в загашнике есть, конечно. Так что ты, Настя, если что надо, не стесняйся, скажи отцу, денег я дам. Просто мне не до того, понимаешь? Иногда к вечеру имени своего вспомнить не могу, не то что внимание семье уделить.

— Да.

— И наперед вот еще что сказать хочу. Грубоватая я, знаю за собой такой грешок. Не приходилось с девочками дела иметь. Так что ты не обижайся, если невзначай обижу словом. Не нарочно это. Хорошо?

Я смотрела на женщину, незнакомую мне до этого дня, сидящую передо мной с прямой спиной и с мужским взглядом во все глаза. И тянулась к ней, как тянется все живое к теплу. Еще неосознанно, но первый раз ей улыбаясь.

— Нет, не обижусь. Вы хорошая! — слова как-то сами сорвались с губ, и не вернуть назад. Да и не хочется.

Она тоже улыбнулась — несмело и осторожно, как будто пробуя игру улыбки на своих губах. Встав со стула, подошла ближе.

— Стаська станет обижать — говори мне, — предупредила твердо. — Вообще-то, он парень у меня неплохой, но загонориться может. Договорились?

Я давно уже сидела, покашливая, и в ответ смогла только кивнуть. Днем я была у врача, но рука мачехи все равно опустилась на лоб.

— Нет, так дело не пойдет. Еще растемпературишься ты у меня к утру. Давай-ка, не стесняйся, колготки свои мокрые снимай и лезь в горячую ванну. А после спать! И не переживай, сыну сегодня сюда ход запрещен. А завтра мы вместе с новым днем подумаем, как быть.

Как быть — я не знала. Кровать сводного брата, как и вся мебель вокруг, показалась мне большой и удобной, не то что старенький, продавленный диван в бабушкином доме. Но это была не моя кровать, не моя комната и не мой дом, и я, аккуратно сложив вещи на стул, свернулась калачиком на ее краешке, боясь помять свежие простыни. Чувствуя себя в чистой футболке сына Галины Юрьевны незваной и непрошеной гостьей. Однако же мои колготки сохли на батарее, теплый кардиган и платье висели на стуле... Мачеха оказалась права, горячая ванна согрела меня, и, несмотря на сомнения, я все же уснула, прикрывшись краешком одеяла.

Ночью мне снились серые глаза, люто вззирающие на меня из-под темной рваной челки, а наутро я все-таки заболела, и пришлось снова вызвать врача.

Следующие два дня прошли в постельном режиме, покой и приеме лекарств. Ко мне заходила мачеха, дважды проведал отец. Я почти все время спала и все же слышала голоса сводного брата и его друзей, долетающие до меня

из соседней комнаты. Когда за стеной, разделяющей наши спальни, слышался громкий хриплый смех, я могла только догадываться, что этот смех обращен на меня, и еще теснее сворачивалась клубком под одеялом. Или, запахнувшись в бабушкин кардиган, забиралась в кресло у окна, подогнув под себя босые ноги, и смотрела, смотрела на первый декабрьский снег, нежной порошей укрывающий двор и длинную улицу с рядом красивых и стройных в своей новизне домов. Разглядывала зажигающиеся в вечернем сумраке окна и представляла себе за полотном штор жителей этих красивых вилл и замков, отгородившихся друг от друга высокими коваными заборами.

От отца я узнала, что поселок, где живет его семья, называется Черехино, и теперь с удовольствием снова и снова пробовала на языке это смешное и мелодичное, похожее на собственный чих название. Смотрела на высокую полосу соснового леса, виднеющуюся вдалеке. На голубые ели и пихты, тоненькие туи, совсем молоденькие, ладные, рассаженные в декоративном порядке во дворе дома мачехи и соседей, и представляла, как здесь, должно быть, будет красиво в Рождество! Не то что в нашем сереньком заводском городишке. С его пятиэтажными хрущевками, деревянными двухэтажками и послевоенными сталинками, блеклыми и неприметными.

В комнате сына хозяйки дома не было телевизора, компьютер я включать не умела, отданный мне отцом телефон связывал меня только с бабушкой... На второй день я набралась смелости и открыла книжный шкаф брата, где красивыми рядами стояли новые книги, еще пахнущие типографской краской. Сначала утянула в постель «Затерянный мир» Конан Дойля, а после и готический роман Энн Райс «Интервью с вампиром», неожиданно найденный на полке.

Но выходные прошли, температура окончательно спала, и на следующее утро Галина Юрьевна разрешила мне

спуститься, если ночь пройдет спокойно. Я знала, что этим утром отец с мачехой уедут на работу, и вполне расслышала слова, что о завтраке позаботится мой сводный брат Стас, оставленный дома, чтобы присмотреть за мной, но все равно со страхом засыпала, желая, чтобы завтрашний день никогда не наступил.

Мой страх сам нашел меня. Когда я проснулась и повернула голову, он сидел на моей кровати (на своей кровати, если быть честной), согнув ногу в колене, опершись плечами о стену, и смотрел на меня холодным немигающим взглядом, поигрывая брелоком в длинных пальцах.

Увидев так близко серые, злые глаза Стаса, я подскочила в постели и попятилась, дернув на себя одеяло.

— Не так быстро, сестренка! — сводный брат легко поймал мое запястье сильной рукой, не дав мне попросту скатиться на пол. — Куда собралась? — процедил сквозь зубы, сжимая рот в тонкую линию, притягивая ближе к себе, пообещал: — Теперь тебе от меня не спрятаться, задурив голову матери. Я не жалостливая мачеха, чтобы повестись на твои слезы.

Мы были в доме одни, мне было страшно, и я попросила отпустить меня.

— Размечталась! — темная, рваная челка еще влажных волос упала брату на лоб, и он медленно отвел ее назад, давая возможность рассмотреть его лицо.

Прошлым вечером я до полуночи читала историю вампира Луи, всем сердцем проникаясь темными событиями жизни молодого плантатора, и сейчас, в тишине дома моей мачехи, ее сын, нависший надо мной, показался мне едва ли не тем самым героем романа Энн Райс — привлекательным и беспощадным молодым человеком, сошедшим с книжных страниц.

Стас Фролов был красив и избалован. И хитер. Не зря его мать предупреждала меня. Самоуверенность и скрытая